

ПРОСТОДУШНАЯ МУДРОСТЬ МИРА

Сов. культура. — 1988. — 19 нояб. — С. 10.

Нынешняя осень оказалась щедрой на подарки для наших любителей сцены. Одним из них стал первый приезд в Советский Союз знаменитого кукольного театра из США «Брэд энд паппет» («Хлеб и кукла») под руководством Питера Шуманна. Гастроли, организованные Театром Дружбы народов, прошли в Москве, совпав по времени со Всероссийским смотром тюзов и театров кукол, а также в Белоруссии и Эстонии. Зрители увидели три спектакля: «Жанна д'Арк», «Убийца Белой Лошади» и «Аллилуйя».

...Они появились на Арбате внезапно и непонятно откуда — только потом все заметили в одном из переулков небольшой автобус. Компания эта выделялась среди арбатских завсегдатаев лишь английской речью да театральными деталями в костюмах — вроде фрака и цилиндра на одном из молодых людей. Московская улица, за последние годы привыкшая ко всякому, по-настоящему заинтересовалась пришельцами только тогда, когда они начали деловито готовиться к представлению: откуда-то взяли музыкальные инструменты, составившие маленький оркестрик, актриса надела большую маску и обернулась улыбчивой старушкой в платочке, поразительно похожей на наших деревенских бабушек, бородач в костюме карикатурного дяди Сэма тщательно приладил к ногам длинные ходули. И вот уже нестройная карнавальная процессия — поющая, играющая, пританцовывающая — двинулась вдоль Арбата...

Так, празднично и захватывающе непривычно, произошла первая встреча московской публики с «Брэд энд паппет» — ветераном движения уличных театров протеста США. Созданный скульптором из ФРГ Питером Шуманном почти тридцать лет назад, в начале американских «бурных шестидесятых», с их политическими катаклизмами, студенческими бунтами и взрывными демаршами контркульту-

ры, коллектив этот впитал в себя настроения и идеи той эпохи — в том числе убеждение в призванности театра обсуждать все острейшие проблемы общественной жизни.

Но не о политике мне бы хотелось говорить сейчас, а как раз об искусстве. Потому что именно оно, на мой взгляд, позволило детищу Питера Шуманна пережить закат родной для него эпохи шестидесятых, не растеряв творческой энергии и привязанности публики в самых разных уголках мира. Глубокий и чистый талант Шуманна с самого начала имел далекую от сиюминутности опору — в традициях и образности мировой культуры и фольклора, в вечных сюжетах, в эстетике старинных театральных зрелищ. И все это сообщило художественному миру его театра неотразимое, несуетное обаяние.

Три спектакля, привезенные американцами на гастроли, оказались очень несхожими по жанру, стилистике, уровню сложности театрального языка. Но все они — представленное на Арбате бесхитрое уличное шоу «Аллилуйя», трогательная сказочная притча-пантомима «Убийца Белой Лошади» и ошеломляющее изысканностью формы мистериальное действо о Жанне д'Арк, шедшие в один вечер на сцене Таганки, — были объединены особым восприятием мира, исполненным простодушной мудрости, драматизма и милосердия.

Мир здесь, как в детстве, одушевлен: вещи и животные живут своей жизнью — плачут, смеются, разговаривают... Белая Лошадь кажется существом более человеческим, чем ее двуногие преследователи, аллегорическая Мать-Земля в «Аллилуйя» оплакивает своих погибших детей, а в «Жанне д'Арк» Кухня звоном бутылок и кастрюль ведет беседу с Голосом Небес.

Он вместе с тем глубоко драматичен, ибо земная жизнь безжалостна к любимым героям спектаклей Шуманна: гибнет на костре предан-

ная всеми Жанна, затравлена псами и убита Белая Лошадь — символ естественности, добра и красоты. Правда, трагедия в конце снимается — душа Жанны сольется в Раю с хором других блаженных душ, а крылатый Ангел, оживив Лошадь, уедет на ней на Небо. Но у счастливых финалов этих грустноватый привкус, ибо торжество справедливости оказывается возможным лишь за чертой жизни...

«Брэд энд паппет» крайне скупо пользуется словом: в основе его работ не литературные пьесы, а краткие сценарии, из которых уже в процессе репетиций вырастают спектакли. Предпочтение отдано выразительности пластики и экспрессии масок, музыке и звуку, сменам ритмов, возможностям мизансценических и цветовых контрастов. «Убийца...» вообще весь построен на беззвучном столкновении черного и белого. Толкотня черных, с бледными безглазыми лицами-масками охотников, пластающийся шаг их свирепых собак с тупыми черными мордами создают атмосферу кошмара, в котором празднично-белоснежная, огромная, улыбочивая Лошадь кажется гостьей из сказки. Черно-белую композицию взрывает кроваво-красное пятно — яркая лента, перечеркнувшая костюм Убийцы.

Художественный мир «Брэд энд паппет» одновременно и прозрачно-прост, и непривычен для восприятия, ибо он пасквовь метафоричен, символичен, говорит на языке аллегорий. Даже в коротеньком и непритязательном «анти-военно-экологическом» моралите «Аллилуйя», с его наивным обаянием народного театра, в котором дождик льется из кувшина, солнце — яркий флажок, а фанерная игличка «порхает» на палочке, весь образный ряд — вода, прорастающее зерно, мать и дитя, — при всей его доступности отсылает к глубинам мифологической традиции. Обыденная вещь легко возводится на уровень знака — этим ей сообщается новый, высший смысл.

Самым сложным и изысканным по форме был спектакль «Жанна д'Арк», состоявший из разрозненных коротких эпизодов, каждый из которых представлял собой лаконичную и яркую метафору. Английская оккупация обрела плоть в темных силуэтах зловещих метельщиков, сметавших огромными метлами маленьких людей с их земли. Онуевшие, осиротевшие дома горевали о своих пропавших хозяевах, рыдали, закрыв руками свои глаза-окна... История Жанны не разыгрывалась — нам рассказывали ее сокровенную, высшую суть. Героиня здесь не имела лица, его скрывал глухой капюшон. Белая фигурка в длинных одеждах была не крестьянской девочкой из Домреми, а знаком, душой Орлеанской Девы. Перед нами предстала мистерия о Святой Жанне.

В спектакле причудливо, но гармонично смешалось высокое и низкое, земное и небесное. В ангелах с белыми кружевными крыльшками за спиной торжественность и святость сочетались с деловитостью и добродушным обаянием, в их оркестрике, сопровождавшем действие, скрипка соседствовала с «ударными» — рядом пустых жестянок, а Голос Небес изображался ими с помощью трубы от старого граммофона и высокой стремянки.

Наверное, разгадка этой парадоксальной гармонии в том, что «Брэд энд паппет» — театр мистериальный по своей сути, естественно чувствующий себя в кругу высоких и священных понятий. Но сакральности его совершенно особого свойства — простодушно-доверчивая, свободная, дружелюбная. Это домашний деревенский вертеп, вместивший в себя весь мир...

...Первое знакомство с театром Питера Шуманна получилось на редкость увлекательным, но, к сожалению, слишком коротким. Однако есть надежда, что оно будет продолжено, — Шуманн мечтает привезти летом большое уличное шоу и, набрав здесь команду добровольных помощников, двинуться со своими огромными куклами в путь по разным городам Союза. Хочется верить, что все это сбудется.

Е. ОСПИННИКОВА.

В ГОСТЯХ И ДОМА

- Театр «Брэд энд паппет» на Арбате.
- Кукольники всегда найдут общий язык, Валерий Вольховский, Елена Луценко и Питер Шуманн.

Фото Г. Ровинского и А. Колмыкова.

